Владислав Резников

Василёк

Рассказ

Когда вокруг много народу, всегда хочется, чтобы его было меньше. Когда я иду с тобой по зеленой аллее, хочется, чтобы она тянулась бесконечно.

Если ты слушаешь эту запись, я всей душой надеюсь, что твоя мама слушает ее вместе с тобой.

Ты улыбаешься, забегаешь вперед, игриво заглядываешь мне в глаза, словно проверяя, смотрю ли я на тебя и радуюсь ли, что ты со мной, что мы вместе, что мы единственные люди на Земле. И что я люблю тебя так же, как ты любишь меня. Конечно люблю, глупый! Ты же мой, ты моя жизнь, ты же — я!

Ты озорничаешь и скалишься полным комплектом ровных молочных зубов и корчишь гримасы, маленькая обезьянка! Ты поешь песенку о том, что одежду дарит всем котам седой паромщик, или рассказываешь историю, что если к дому привязать звезду, то дом полетит в космос. Сосредоточенно молчишь, опустив голову, шагая по красным квадратам плитки и старательно избегая наступать на белые.

Когда-то вот так же мы с тобой гуляли, и навстречу шли какие-то люди. Было так же тепло, солнечно. Девушки, парни, пары, компании — рядом был самый большой в городе университет. Иногда катили на роликах, скейтбордах, на модных в последние годы гироскутерах. Даже на самокатах. Вспоминаю свою юность. Когда были в моде самокаты? Сейчас же гоняют на всем, что имеет колеса.

Не знаю, было ли тебе какое-то дело до прохожих? А я все время ловил взгляды, подмечал, как встречные смотрят на тебя, на меня. Сперва на тебя, потом на меня. Или сперва на меня, потом на тебя. Иногда с улыбкой, иногда просто с интересом, с какой-то озорной искринкой. Чего они так смотрят? Похож ли? Глаза? Копия папы? Редко, когда лицо смотрящего на нас оставалось бесстрастным.

В основном, юноши в шлемах и прочей амуниции, проносящиеся мимо нас, огибая по дуге, которым в их двадцать лет рано думать о воспитании ребенка. Или группы студентов, веселящиеся и увлеченные своей темой.

Или другие дети. Они пристально тебя изучали, словно впервые встретили кого-то очень на себя похожего, но совсем другого. Смотрели, как прикованные. Ты не очень любил общаться с другими детьми. Ты весь как-то сразу останавливался, как-то замирал. Что-то делал, делал и вдруг переставал, становился столбом. Если у тебя в руках что-то было (твой желтый грузовичок с красной кабиной или совок для игры в песочнице) и дети хотели это взять, ты отдавал, не противился и ничего не просил

Резников Владислав Григорьевич — прозаик, родился в 1978 году в Белгороде. Автор сборников повестей и рассказов «Знаки пустоты» (2015) и «Нутрь» (2015). Живет в Белгороде. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

взамен. Лишь молчаливо спрашивал у меня, можно ли дать, я отвечал, что можно, что детки поиграют и потом вернут.

А однажды на детской площадке тебя толкнул мальчик. Незнакомый. Толкнул нарочно, без повода. Так, что тебе пришлось сделать несколько шагов назад, чтобы не упасть. Я напрягся, привстал, ожидая, когда мне надо будет вмешаться, и выискивал взглядом родителей твоего обидчика. И ты остановился. Ты, как и я, не знал, что делать и не понимал, почему это произошло. Встревожено, но без слез и жалоб, ты посмотрел на меня. Отошел от того мальчика и вскоре продолжил свои дела.

Но после этого случая ты старался избегать детей. Завидев их на площадке, на качелях или в песочнице, сразу говорил, что мы туда не пойдем. «Там играют детки», — говорил ты, словно проводя границу между собой и ними, словно отделяя себя от них. Когда я спрашивал, а с кем же ты будешь играть, ты всегда отвечал — с тобой, папа, я всегда буду играть только с тобой.

Теперь уже давно аллея пуста. Можно брать любой велик или самокат, и катить наперегонки хоть по парку, хоть и по всему городу. Листва такая густая, что почти закрывает небо над нами, наподобие бесконечной зеленой арки. Ты бываешь серьезен, молчалив, или весело щуришься и кривляешься, или идешь вприпрыжку, размахивая нашими сцепленными в замок руками.

Иногда сквозь просветы в зеленой арке аллеи бьют тонкие струи золотых лучей. Тебе комфортно, ты в безопасности. Тебе хорошо, ты счастлив. А потому хорошо и мне.

Мне до горечи радостно, когда мы идем с тобой вдвоем. По улицам города, по зеленым аллеям парка, сидим на набережной Везёлки, ловим рыбу или слушаем кваканье лягушек, качаемся на качелях. Боль пронзает сердце, как будто где-то за столом в темной комнате собрался кружок оккультистов и каждый по очереди втыкает булавку в мою куклу вуду.

Ты перестал говорить в четыре года.

Как закричал вдруг! Да так громко, что я подпрыгнул:

— Мама! Мама! Мама!

Вбежал в комнату. Ты один. Спрашиваю:

— Где мама?

Молча смотришь на меня. Глаза полны слез.

— Вася, где мама? Что случилось?

И вдруг — потекли. Долгие, безутешные.

— Папа, я не знаю, я ничего не делал.

Я — успокаивать, обнимать:

— Тихо, тихо. Она ушла? Куда она пошла?

— Я не знаю.

— Она что-нибудь сказала?

— Я не знаю.

Я не слышал, как она собиралась, не слышал, чтобы открывалась и закрывалась входная дверь. Ее обувь стояла на месте (она и потом стояла там же), рюкзак висел на вешалке. В рюкзаке телефон, кошелек, все карточки, всё прочее. Паспорт в шкафу, на полке. Но в груди моей вдруг, как крупная рыба из воды в воздух и снова вниз: бултых-бултых! Бултых-бултых!

Прождали до вечера. Ходили по двору, по кварталу, звонили всем, спрашивали: нет? Нет. Позвонил 02. Писал заявление: когда заметили отсутствие, когда последний раз видели, где, во что была одета, что было с собой. Была дома, видели дома, одета была в домашнее, с собой была кружка чаю и книжка «Айболит», которую вы читали вслух, хотя знали уже наизусть. Впрочем, и кружка с чаем, и «Айболит» были тут же. В кружке разбухший и разлохмаченный, как она всегда делала, ломтик лимона.

Приходила полиция, приходили какие-то спасатели, детективы (кто их вызывал?) расспрашивали, составляли протоколы осмотра, опроса.

— Когда последний раз видели?
— Я же это уже писал. Дома, здесь и видели, в комнате. Вот ее одежда.
— О чем последний раз говорили?
— Да о чем? Да ни о чем особенном, как обычно.
— Часто ли в семье бывали ссоры? Когда последний раз ругались?
— Ну как, ну бывали и ссоры, у кого не бывает, ничего необычного.
И вот это в каждом вопросе: последний раз, последний раз, последний раз!
— Нет ли у семьи врагов?
— Да нет. Какие враги?
— Есть ли у нее родственники или друзья, к кому бы она могла пойти или поехать?
— Не знаю, все родственники, друзья — тут.
— Может быть, забыла предупредить, что уезжает?
— Куда ей ехать?
— Звонить пробовали? Телефон ее включен?
— Вот ее телефон.

Смотрели телефон, кому звонила. Мне, мне, мне, родителям и последний раз — мне. Смотрели странички в сетях. Тоже ничего, что могло бы на что-то указать.

Говорить ты начал поздно, уже после трех лет. Но как-то так сразу, стремительно, повторял все услышанные слова — от нас, на улице, в телевизоре, в мультфильмах. Ясно, членораздельно все звуки, не картавя, не шепелявя. А потом так же резко перестал.

Нет, ты не потерял способность говорить. Но говорил почему-то только со мной или только если я был рядом. Но тихо, осторожно, невесело. Как бы просто из необходимости, поддерживая связь. Как бы опасаясь, что тебя может услышать кто-то чужой. Как если бы твой голос был чем-то запретным, чем-то, что нельзя слышать другим. Как будто ты только мне доверял его как что-то самое сокровенное.

Не знаю, почему, но в моем присутствии ты мог свободно говорить, говорить увлеченно, рассказывать долгие истории, которые тут же, на ходу и сочинял, но когда меня не было рядом — как воды в рот набирал. Как будто, отдаляясь от тебя, я вытягивал из тебя этот дар речи. Ни слова в детском саду, ни слова с детьми во дворе, ни слова никому, если меня нет рядом.

Приходили психологи, и мы ходили к психологам. Нам предлагали какие-то курсы, какие-то стимулирующие сеансы, адаптирующие сеансы и прочие сеансы, даже гипноз. Какие-то картинки, от которых еще полдня в глазах стоит радуга. Куда-то пару раз ездили. Зачем? Я всегда знал, что с тобой все в порядке. Просто ты не хочешь ни с кем говорить, потому что не можешь говорить с мамой.

Сначала приходили из полиции. Ничего. Никаких. Нигде. Потом перестали.

Дверь кабинета с комиссией приоткрылась. В проеме показалось несколько письменных столов, сдвинутых в один длинный. За столом несколько женщин разных возрастов в похожих строгих блузах. Перед каждой стопка бумаг, один раскрытый ноутбук. Вышла девочка твоего возраста. Ее за плечи направляла мама. Девочка то ли плакала, то ли просто была огорчена.

Осторожно мне на ухо ты спросил:
— Папа, а эти тети злые?
— Нет, эти тети логопеды. Они хотят проверить, как ты умеешь говорить.
— А если им не понравится, как я говорю, они мне будут делать укол?
— Нет, что ты? Никаких уколов.
— Они дадут мне горькие таблетки?
— Нет, они только зададут несколько вопросов.

Мои утешения не подействовали. Ты смотрел на ту печальную девочку. Девочка смотрела на тебя. Так интересно было наблюдать за вами, двумя незнакомыми друг другу детьми. Вы пересматривались, словно между вашими взглядами протянулся

невидимый канал и по нему двумя встречными потоками текли объемы информации. Разноцветные фуры, груженные каким-то жизненным опытом, какими-то детскими мыслями, покачиваясь, переезжали из пункта «А» в пункт «Б» и наоборот. Что-то, что должно помочь тебе в предстоящем испытании, и что-то, что успокоит ее, уже прошедшую его. Казалось, что девочка вот-вот улыбнется и твой взгляд проясняется.

Осторожно, будто на нас могло что-то наброситься, мы зашли в кабинет.

— Здравствуй, присаживайся на стульчик.

— Здравствуйте, — ты тихо поздоровался и тихо опустился на единственный стул напротив их стола; для родителей там, видимо, отводилось стоячее место в любом свободном углу.

— Как тебя зовут?

Ты украдкой взглянул на меня, я опустил веки — говорить можно.

— Вася.

— Сколько тебе лет, ты знаешь?

Ты показал четыре пальца и сказал:

— Четыре с половиной.

— С кем ты живешь, Вася?

— Я живу с мамой и папой, и еще у меня есть бабушка Ира.

Я поймал тогда на себе несколько вопросительных взглядов. Молча, покивал и поднял ладонь, вроде того, что это нормально — что ребенок думает, что мама все еще с нами.

— А как твоего папу зовут?

— Катя.

— Это мама. А папа?

— Папа Миша.

— Ты знаешь какой-нибудь стишок или песенку?

— Да, знаю. Песенку.

— Какую?

— «Катюшу».

— Спой «Катюшу».

Тихо, но ясно ты начал петь:

— Расцветали веники в сарае...

— Вася! (пресек я то, чему сам научил) Извините (комиссии), это он нечаянно. Вася, давай заново, как следует.

И ты начал заново:

— Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой. Выходила на берег Катюша (мне так и слышалось, что сейчас ты запоешь: «и стреляла в небо колбасой», но ты продолжил правильно).

— Хорошо, молодец. А про что эта песенка?

— Про маму.

— Ты знаешь, какое сейчас время года?

— Весна.

На самом деле было лето, но тебя не волновали эти календарные формальности.

— Весна? Или все же лето?

— Лето, — согласился ты, чтобы только от тебя отстали.

— Так лето или весна?

— Весна.

— Посмотри в окошко, на улице солнышко, жарко!

— Я только сегодня снял ветровку, — сказал ты, и за тебя вступилась одна из женщин за столом:

— Да сейчас такое лето, что можно и впрямь подумать, что весна. Ветровку только сегодня снял! А теперь посмотри на картинку и скажи, что ты видишь.

Она показывала картинку, на которой были: собака, корова, овца и курица. Аккуратно, словно нащупывая звуки, ты назвал собаку.

— А собака — это дикое животное или домашнее?

— Домашнее.

— А еще каких ты знаешь домашних животных, кроме собак?

Ты посмотрел тогда на меня с такой тоской во взгляде, как будто спрашивая, папа, чего от меня хотят это тети и долго это еще терпеть? Но я не мог просто взять и забрать тебя домой. Единственное, чего хочет от отца ребенок, выхваченный ситуацией из его привычного мира, это чтобы тот вернул его обратно в этот мир. Забрал домой. Где его комната, где его игрушки, где его кроватка, где можно спрятаться, сделать укрытие из подушек и одеял и не выходить оттуда часами, представляя себя на корабле или в ракете посреди моря или космоса, на маленьком островке безопасности и уюта. Но этого я и не мог для тебя сделать. Мог лишь намекнуть на правильный ответ:

— У бабушки Иры кто живет?

— Котики, — сказал ты невесело.

— А еще кто здесь на картинке?

И вдруг ты нашел выход! Ты не мог покинуть кабинет и уйти, но ты выстроил стену между собой и этими тетями. Стену из кубиков своего воображения, из мультфильмов и фантазий. Я даже видел, как ты ее возводил: быстро-быстро, отправляя взглядом разноцветные кирпичи на свои места все выше и выше, до самого потолка.

Ты развеселился и даже захихикал. Ты забыл про вопрос, тебя несло на поднятой тобой же волне, что казалось, ты только и успевал проговаривать все, что проносилось в твоих мыслях:

— А еще паучок такой есть (ты сделал ладонями лапки паучка и эти лапки побежали по воздуху), он спустился по веревочке, которая называется паутинка, она привязана у паучка за попку, чтобы он не упал. И он так приземлился прямо на меня, аха-ха! Побежал, побежал, побежал, от меня убежал и от папы убежал! А мама его поймала, взяла и в травку посадила.

— А паучок это кто? Животное? Птица? Рыба? Или насекомое?

— И этот паучок, он по травке побежал, побежал и прибежал в домик, где его детки пьют молоко.

— Молодец, хорошо уходишь от ответа на вопрос. А кто дает молоко?

— Раньше мама давала, — сказал ты тихо, — а сейчас дает папа.

— Ладно. Хорошо. А теперь можно попросить папу минуточку подождать за дверью?

От твоей веселости не осталось и следа. Схватил и крепко сжал мою руку. Медленно моргнул, что означало, ты начинаешь уставать. Ты спокойно сказал:

— Папа, не уходи.

Комиссия смотрела терпеливо, я наклонился к тебе.

— Малыш, тебе сейчас зададут еще пару вопросов. Просто, пока идет эта... часть задания, нельзя, чтобы я был рядом, ведь я буду подсказывать, а это нельзя.

Тихо мне в щеку, чтобы тебя не слышали:

— Но я не хочу, чтобы ты уходил!

— Это всего на пару минут. А когда мы отсюда выйдем, купим попкорн в парке и покачаемся на качелях. Хорошо?

Чуть слышно ты сказал «да».

— Будешь молодцом?

Снова обреченное «да», я уже открывал дверь, как ты позвал меня.

Остановился, обернулся. Ты шепотом, чтобы я читал по губам, сказал:

— А можешь дать мне мой мультимутор?

— Можно, я дам ему игрушку? — спросил я у комиссии, — Это его секретный приборчик.

Выхожу за дверь, закрываю ее за собой.

Мультимутор. Ты сам придумал это слово. Старый модем с пятью гнездами для сетевых кабелей и присоединенный к нему коротеньким «хвостиком» USB-провода

цифровой диктофон с резиновыми кнопками. Диктофон рабочий, можно записывать и слушать, но по его жидкокристаллическому экрану давно распустились чернильным пятном эти самые жидкие кристаллы. Ты таскаешь его с собой всюду: в детский сад, на прогулки, по квартире. Спать кладешь рядом.

— Что он делает? — спрашивал я тебя.

— Я по нему говорю с мамой, — отвечал ты.

Почему-то я знал, что именно таким будет ответ. Я обнимал и целовал тебя, представляя, что значит для тебя мама, что значит для тебя ее голос, ее присутствие и какую боль причиняет отсутствие самой большой любви, самого большого тепла и заботы, которое можно получить в жизни. Какая бездонная дыра расползлась по твоему еще маленькому сердцу! Я готов разбиться вдребезги, только бы заполнить ее хотя бы сотую часть своей любовью. Какая утрата настигла тебя таким еще нежным и беззащитным. Если бы я знал, как ты страдаешь! Я готов страдать в сотни и в тысячи раз сильнее, если это позволит избавить от страданий тебя!

— Как бы я тоже хотел с ней поговорить! Дашь мне в следующий раз?

— Папа, но мама только со мной говорит.

— А что она тебе говорит?

— Она мне говорит: «Василёк — мой любимый цветок».

— Это же песня такая есть. Где ты ее услышал?

— Мне ее мама по мультимутору пела.

В коридоре тихо и пусто, никто не ходит. Вдоль стены кресла, соединенные по три, как в актовых залах. Сел, сижу. Из-за двери ничего не слышно. Встал, подошел, приблизил ухо — тишина. Прошелся по коридору. На стенах стенды с фотографиями каких-то работников образования, детские рисунки, образцы документов в пластиковых конвертах. Небольшой холл, из него двери: «Медкабинет», «Карантин», «Бассейн».

Дверь бассейна приоткрыта. Заглянул. Несколько шахматных столов, много цветов: папоротники, бегонии, фиалки, видна дверь в раздевалку. Вернулся обратно в коридор, пошел туда, где комиссия продолжала что-то у тебя выпытывать. Все та же тишина. Стал напевать про себя: «Ни звонков, ни шагов, ни звона ключей, еле слышно часы у кровати стучат...»

И вдруг тихо из-за двери:

— Папа.

Показалось? Замер. Тихо.

«...в этом доме все давно уже спят».

И тут снова из-за двери:

— Папа.

Открыл дверь, и тут же ты спросил:

— Папа, можно мы уже пойдем домой?

Кроме тебя в кабинете никого не было. Они что, ушли и оставили ребенка одного?

— Вася, а где эти тети? Они ничего не сказали, когда уходили?

Ноутбук стоял раскрытым, где и стоял, на столах бумаги, ручки. Среди прочего два распечатанных листа заключения, в которых надо было расписаться, и один отнести в сад. В графе «заключение комиссии» подчеркнуто «речевое развитие без особенностей». Расписался в обоих, один оставил там.

— Думаю, нам можно идти, да, Вась?

— Да, папа, я тоже думаю, что нам можно идти.

На вахте я высказал, что как-то это странно, что все ушли, не предупредили, оставили в кабинете ребенка одного и все документы, и разве так делается? Вахтерша в ответ промолчала. На том и распрощались. Мы с тобой отнесли заключение в детский сад, отдали заведующей. Заведующая, судя по черствому «ну и отлично», не сильно обрадовалась, прочитав в заключении, что речевое развитие ребенка без особенностей.

Любят они все такие особенности, когда ребенок не говорит или наоборот говорит не умолкая, делает в штаны или вообще не делает ничего, и чтобы их забирали,

таскали по специалистам, по таким вот комиссиям, допрашивали, лечили, кололи, что угодно делали, только лишь бы не водили в детский сад.

Через пару дней пришли полицейские. И с ними дядя в черной шляпе. Спрашивали, как мы прошли комиссию, с кем беседовали, как уходили. Просили как можно больше подробностей. Я им повторил те же слова, что высказал вахтеру. Что меня попросили выйти из кабинета, и больше я этих женщин не видел.

Оказалось, что больше никто их не видел. Всех шестерых, или сколько их там было. И что, кроме документов и раскрытого ноутбука, там остались их сумки со всем тем, что носят женщины в своих сумках.

По всему выходило, что когда меня попросили выйти, ты оставался последним, кто мог их видеть. И вот этот дядя в черной шляпе как раз был специально обученным сотрудником, который, якобы, понимает язык детей и имеет право задавать им вопросы.

Я сказал, ну давайте попробуем, но только он не очень разговорчив с людьми вообще. Вышли к подъезду, сели на лавочку. Ты и этот специально обученный дядя. Двое полицейских стояли рядом. Я стоял рядом. Подошел сосед Василий, твой тезка, поздоровался со мной и тоже стал рядом.

— Ну чё, как вы, мужики? — спрашивает тихо у меня.

— Да как, — говорю, — вот так, как есть.

Потом он спросил уже громче, обращаясь к тебе:

— Василь, поедешь на рыбалку в субботу с дядькой Василием?

Я повернулся к тебе, а ты на скамейке один. Болтаешь ногами. Полиции и след простыл, только одна черная шляпа на месте этого дяди и осталась, забрали домой. Надо, вернется.

А дома ты достал корзину с разными старыми проводами и приборами. Сказал, надо увеличить мощность мультимутора. Подключил кабели во все сетевые гнезда модема и сказал, что с другой стороны провода надо присоединить к диктофону.

— Вась, а куда их тут вставлять? Тут один-единственный выход, и он уже подключен к твоему мультимутору.

— Папа, но мне надо их все! Там же мама говорит! Я ее слушаю!

Ты произнес заклинание, которое работало без сбоев. Мама говорит. Раз там мама, то да, сейчас усилим мощность. Обрезал кабели, собрал в пучок, обмотал скотчем, приставил к диктофону и примотал зеленой изолентой. Получилось, как будто все эти кабели подключены в одно гнездо. И для лучшего приема обмотал их еще толстым медным проводом.

— Держи, — говорю, — теперь у тебя зеленый медный мультимутор с самым мощным сигналом!

Глаза твои тогда так заблестели, словно мы смастерили чудо из чудес. На всякий случай ты уточнил, действительно ли зеленый медный мультимутор — самый мощный мультимутор, но ответ и так был уже тебе известен — конечно, да! И, довольный и сияющий, ты умчался. Больше полиция к нам не приходила.

С тех пор, как мощность мультимутора возросла, к нам не приходил никто, и на рыбалку, на ту сторону Везёлки, позади университета, мы ходили сами, без дядьки Василя, и не встретили ни одного человека.

Ты задал мне вопрос, на который я не знал, что ответить. Не знал ни правильного ответа, не знал, что соврать так, чтобы поверил ты и чтобы я сам поверил в эту ложь. Ты спросил:

— Папа, почему я вижу всех людей, кроме мамы? Это ведь нечестно, что все есть, а мамы нет. Это неправильно. Почему нельзя наоборот, чтобы мама была, а других людей никого не было? Я никого больше не хочу видеть, кроме мамы. И тебя.

Ночью я плохо спал, думая над твоим вопросом, над тем, что происходит и как нам с этим быть? И не сразу заметил, что потолок над твоей кроватью залился густым синим светом и замигал зеленым. Синий горел ровно, но как бы волнами — то усиливаясь, то ослабевая, а зеленый часто-часто мерцал.

Я подскочил. Ты спал. Мультимутор работал. На диктофоне ярко горел синий индикатор включения, на модеме зелеными огоньками мерцали все сетевые подключения — гнезда, куда были воткнуты обрезанные кабели. Затрещал динамик, как на настраиваемой радиочастоте. И сквозь шумы и помехи, которые вскоре стихли, раздался чистый и ясный голос, от которого у меня поднялись волосы на всем теле и охватила мгновенная дрожь. Ее голос.

— Миша, окно, сквозняк. Закрой окно в комнате или на кухне, чтоб ему не дуло.

Я схватил диктофон. Не представляя, что нажимать, чтобы использовать его как радиопередатчик и чтобы она меня услышала, кричу прямо в динамик:

— Катя! Катя! Ты где? Ты слышишь? Катя! Катя!

Оттуда снова:

— Миша, окно, сквозняк. Закрой...

Бросил диктофон, подбежал к окну, закрыл, вернулся, схватил.

— Катя! Катя! Катя!

Все лампочки погасли, было тихо. Больше ни голоса, ни помех. И диктофон, и модем были теплыми. Взял их в другую комнату. Размотал медный провод, зеленую изоленту, разорвал скотч. Все сетевые провода были обрезаны и ни к чему подключены — в точности так, как это сделал я. Да и как оно могло быть иначе? Как мог, аккуратно, залепил и замотал все, как было.

Наша зеленая арка тянулась и тянулась. Иногда ты говорил: «Папа, возьми меня на ручки», — и я брал тебя на ручки. Ты обхватывал руками мою шею, ложился на плечо, и мы могли долго так идти, ничего не говоря. Порой мне казалось, что ты засыпаешь — твое дыхание становилось глубоким и безмятежным; порой казалось, что слышу всхлипы.

О чем были твои мысли, родной? Чем ты не можешь со мной поделиться? Ты не можешь мне рассказать, что случилось с мамой, но ты знаешь это, я в этом уверен. Как уверен и в том, что ты ни капли этого не хотел и если бы мог, то сделал бы так, чтобы она снова была с нами. Или если какие-то силы заставят тебя выбирать, то пусть лучше исчезну я, только бы вернуть тебе маму.

В пустом супермаркете мы набрали тележку продуктов, ты, как это любил, сидел в тележке, свесив ноги, а я катил тебя по проходам между стеллажей. Очереди на кассе не было.

На этой тележке мы и поехали домой. Мы были совсем одни. Как будто весь мир не успел на наш поезд и дальше ехали только мы. И если бы еще один человек был с нами, всего лишь один-единственный, но самый главный, я бы считал себя полностью счастливым.

Уже у самого подъезда резко потемнело. Небо потускнело, листья деревьев будто отяжелели и повисли на ветках. И тебя в тележке с продуктами уже не было. Ни слова, ни полуслова, ни сигнала, ни знака — всё просто стало так, как стало. Никого и ничего. Секунду назад мы еще были друг у друга, теперь и мы порознь. Теперь как будто я отстал от поезда, в котором мы с тобой были единственными пассажирами.

Дверь подъезда оказалась открытой. Электричество робко мерцало и трещало на грани отключения. Входная дверь нашей квартиры тоже открыта. Дома никого. Включил свет, он оказался тусклым и очень нехотя разбавлял повсеместно сгустившийся мрак. В комнатах какой-то странный порядок. Всё прибрано, нигде никаких игрушек, машинок, никаких разбросанных носков, штанов, футболок или выбившегося из-под покрывала края простыни. Все как надо, как не бывает. Как не бывает в доме, где живут люди.

Даже в огромной корзине с проводами и разной отработавшей электроникой все провода аккуратно смотаны в катушки, все устройства и приборы расставлены рядком, бок о бок. Отвертки, изоленты, аккумуляторы, зарядные устройства — сложены в отдельном кармане. Там же нашелся старый диктофон с заплывшим экраном. От центра экрана, как будто черными лепестками, во все стороны расползалось пятно, напоминающее силуэт полевого цветка. Нажав на кнопку включения, я увидел слабый, едва пробивающийся, но ровный и живой бледно-синий огонек.